

Безрукавая Марина Васильевна

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНОВ Ю. КОЗЛОВА

Данная статья посвящена анализу жанровой специфики романов Ю. Козлова. Для анализа были взяты три романа Ю. Козлова: "Колодец пророков", "Почтовая рыба" и "сВОбоДА". Четко показана сюжетная организация произведений. Выделены основные жанрообразующие потоки, в которых видна сложность жанровой природы романов, ее синтетический характер, в котором объединяются признаки разных по реализуемому типу сознания повествований.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 10-14. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 8; 821.161.1

Данная статья посвящена анализу жанровой специфики романов Ю. Козлова. Для анализа были взяты три романа Ю. Козлова: «Колодец пророков», «Почтовая рыба» и «sBOбoДА». Четко показана сюжетная организация произведений. Выделены основные жанрообразующие потоки, в которых видна сложность жанровой природы романов, ее синтетический характер, в котором объединяются признаки разных по реализуемому типу сознания повествований.

Ключевые слова и фразы: жанровая природа; власть; амбивалентность; апокалипсис; художественный мир.

Безрукавая Марина Васильевна, к. филол. н., доцент

Кубанский социально-экономический институт

Sea_pearl_@mail.ru

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНОВ Ю. КОЗЛОВА

Творчество Юрия Козлова – одно из заметных явлений в современной российской словесности. Начав литературную деятельность на границе 70-х – 80-х годов прошлого века, Ю. Козлов стал активным участником осмысления духовной и политической катастрофы, произошедшей с Советским Союзом. Разумеется, он не был единственным прозаиком, кто избрал геополитические сдвиги в качестве главной темы творчества. А. Проханов, Ю. Мамлеев, В. Личутин, Э. Лимонов, В. Шаров и более молодые авторы – П. Крусанов, З. Прилепин, Д. Быков, М. Елизаров, С. Шаргунов – немало текстов посвятили решению проблем, тесно взаимодействующих с философией истории.

Особое место Ю. Козлова в этом контексте определяется следующими факторами:

1) На протяжении многих лет он оставался значимой фигурой в структурах российской власти, возглавлял пресс-службу в Государственной Думе и Совете Федерации.

2) В своих романах писатель, независимо от характера избранной фабулы, всегда значительное место отводил публицистическому дискурсу, позволяющему повествователям и героям часто обращаться к политическим проблемам и метафизическим аспектам современной истории.

3) Ю. Козлов никогда не был (в отличие, например, от А. Проханова) сторонником пафосной риторики и литературной проповеди, отдавая предпочтение аналитическим ходам в границах художественного произведения.

4) Основным идейно-художественным пространством становится современное российское государство, представляющие его герои, указывающие на самый значимый парадокс козловского мира: государство сдерживает жизнь человека от практического антигуманизма и уничтожения; государство всегда далеко от совершенства, не способно стать предметом радости и объектом однозначного прославления.

5) Ю. Козлов часто обращается к «сюжету Апокалипсиса», но всегда отказывается от эффектных решений, показывая нарастание апокалипсических тенденций в сознании человека, причастного государственной жизни.

6) Узнаваемые события современной российской истории крайне редко находят место в художественной системе Ю. Козлова; чаще писатель обращается к аллюзивному воссозданию реалий текущего времени.

Для решения вопроса о жанровой природе романов Ю. Козлова мы остановились на трех значимых произведениях. Материалом для аналитического исследования будут «Колодец пророков», «Почтовая рыба» и «sBOбoДА». Кратко рассмотрим сюжетную организацию произведений.

Становление апокалипсических событий в российской действительности 90-х годов XX века – важная линия романа «Колодец пророков». Все ключевые герои (генерал Толстой, отец и сын Илларионовы, спецназовец Пухов) – пример амбивалентной деятельности, характеризующей человека на службе государству. Рискуя жизнью, они способствуют его сохранению и укреплению, но одновременно появляется и до самого финала не исчезает вопрос: герои, имеющие отношение к госбезопасности, сохраняют государство или способствуют (вольно или невольно) его трансформации в нежизнеспособный, обреченный организм? В «Колодце пророков» множество событий, показывающих хаотические тенденции в общественной жизни последнего десятилетия прошлого века. Много места отведено для мотивов, восходящих к Чеченской войне. Но объединяющим фактором предстает «сюжет Августы» – женщины, которой суждено стать матерью Антихриста. Следовательно, аллюзии на состояние Российского государства в конце XX века требуются рассматривать в контексте последней борьбы добра и зла. Впрочем, сразу следует сказать, что Ю. Козлов не является тем писателем, который стремится четко показывать действия этических полюсов, их конфликт. На первом плане двойственность нравственных усилий, их двусмысленный, неочевидный характер.

«Роман Ю. Козлова «Колодец пророков» имеет две, прямо противоположные, бросающиеся в глаза приметы. Это, с одной стороны, глубокая погруженность художественной действительности в историческую материю современной России, позволяющая рассматривать произведение как «роман с ключом», то есть такое произведение, для понимания которого важны (конкретные) имена и события. С другой же стороны, это высочайшая степень фантазматичности, а иногда и совершенная отвлеченность от исторической данности, которая превращает вполне узнаваемые исторические реалии в аллегорические образы, едва ли не эмблемы, скрывающие (открывающие) за собой некие идеи, идеальные (в смысле философии Платона) формы, а самый роман – в своего рода притчу мистериального характера», – пишет О. Мороз [7]. Надо отметить, что не так уж много литературно-критических и литературоведческих работ посвящено творчеству Ю. Козлова. Но не стоит делать вывод о невысоком качестве его идейных и художественных сфер. Скорее, наоборот. Потенциальных аналитиков останавливают интеллектуализм, историософичность и метафизичность, совмещенная с рациональным становлением романного дискурса.

Статья О. Мороза «Человек и судьба в романе Юрия Козлова «Колодец пророков» показывает предпочтительный путь, которым стоит двигаться в изучении произведений Ю. Козлова. О. Мороз отказывается от публицистических и даже литературно-критических приемов в изучении козловского мира, делая ставку на внимательное, скрупулезное прочтение всех романских уровней, на которых религиозно-мифологическое, политическое и антропологическое начала образуют сложное единство повествовательных интенций. В итоге читатель, осваивающий «Колодец пророков» вместе с О. Морозом, оказывается в рамках герменевтической задачи, не имеющей простого, ясно проговариваемого решения. «Сюжет Апокалипсиса» имеет место, но нельзя назвать очевидным его содержание, кульминацию и развязку.

Сюжетная организация «Почтовой рыбы» представляется более простой. Речевая структура (а она – часть сюжетного движения) произведения связана с темой Апокалипсиса не меньше, чем в «Колодце пророков». Жизнь и судьба Петра Рыбина, главного героя «Почтовой рыбы», демонстрирует читателю, как обыкновенный россиянин (при этом всегда причастный одному из уровней власти), любящий женщин и машины, категорически не приветствующий персональную ответственность, оказывается причастным к формированию особого катастрофического поля, в котором метафизическое начало проявляется в подтексте безволия и бездействия. Антихрист готов появиться не из сознательного выбора зла, а из нежелания служить добру, быть волевой персоной, отвечающей за свои слова и дела. «Любовный сюжет» (взаимное притяжение Рыбина и Веры Зверевой, только что потерявшей мужа) свидетельствует не о житейско-гуманистических тенденциях романа, а о его интересе к укрепляющейся бесчеловечности, когда даже эротические мотивы предстают формой саркастического осуждения человека. Неудивительно, что силы зла получают особый статус, способствуя усилению инфернального дискурса. От читателя требуется согласие с мыслью о том, что минимум два героя – Надеждин и Линдер – имеют прямое отношение к сферам, в которых земная, человеческая логика лишь часть более объемной системы законов и правил.

«Это некая вольная философски-политически-эротическая книга раздумий о жизни человека вообще и русского человека в частности, о жизни своей страны и о надвигающемся тотальном крахе, из которого не видно выхода. Книга осознанно лишь слегка и нарочито небрежно беллетризирована действиями четырех-пяти героев», – пишет В. Бондаренко, всегда высоко оценивающий творчество Ю. Козлова [1].

Часто в художественном произведении один из двух повествовательных потоков (фабула или речь) доминирует, но в прозе Ю. Козлова они участвуют в совместной динамизации интеллектуальных стратегий. Можно сказать, что в романах Ю. Козлова очень много речей, но не меньше и событий, нуждающихся не только в расшифровке, но и в составлении сюжета, соответствующего принципам линейности. Сказанное верно и для романа «сВОбоДА». Читатель, ставящий перед собой, казалось бы, легкую проблему пересказа художественного текста, оказывается перед более сложной задачей: истолковать, интерпретировать происходящее и только так сделать его подходящим для линейного рассказа.

А. В. Татаринев, анализируя роман «сВОбоДА», обращает внимание на два романских действия, создающих ключ для понимания авторской стратегии: «Целостный мир «сВОбоДЫ» держится на двух сценах, воплощающих мотив успешной охоты. Сначала Вергильев вспоминает о посещении канадской снежной пустыни, где Шеф в сопровождении егеря Славы идет по следу белого медведя. Волевой, заряженный на победу Шеф объясняет, что этот зверь-паразит уже оставил потомство и теперь, поигрывая сохраняющейся силой, живет в свое удовольствие, отгоняет от медведиц молодых, неокрепших самцов. Охота за полярным кругом успешно завершена. Медведь убит, посмертно кастрирован, гениталии – в пакете, как положено. Вторая сцена – в финале. Снова Шеф, он – вице-премьер, и Слава – теперь Святослав Игоревич, один из влиятельных организаторов московской “Республики воды”. Под землей проложена подземная трубопроводная система, сделавшая возможной повсеместную установку мобильных туалетов и прекрасных бассейнов. На открытие приехал Президент. Начался страшный ливень, будто небесная вода рухнула вниз, порождая неконтролируемое движение толпы. Президент укрылся со свитой в подземном аквадворце. И все было бы сносно, да вот священник Драконий бросил копьё, пробил пульт и привел в действие механизмы “водяного дыма”. Итог, как подсказывает автор, иррационален и логичен одновременно: все сошедшие вниз исчезли» [9, с. 88-89].

Даже краткое представление сюжетных пространств рассматриваемых произведений показывает сложность жанровой природы романов, ее синтетический характер, в котором объединяются признаки разных по реализуемому типу сознания повествований. Выделим основные жанрообразующие потоки.

Текст с жанровыми признаками триллера и криминального боевика. Вряд ли можно говорить о развитой кинематографичности произведений Ю. Козлова. В них слишком серьезное место занимает риторика, чтобы можно было однозначно говорить об использованной эстетике кино. Но в каждом из трех романов, взятых нами для анализа, немало сцен, в которых вооруженное столкновение героев или устранение одного персонажа другим занимает видное место. Особенно активна эта линия в «Колодце пророков». Илларионов-младший становится мишенью для киллеров и часто рассуждает о возможности быть устраненным. Очевидно, что мормон-американец Джонсон при каждом необходимом случае отдает приказ, связанный с криминальными процессами. Майор Пухов постоянно оказывается в ситуациях, когда необходимо применять силу и навыки офицера спецназа. В «Почтовой рыбе» главный герой сохраняет жизнь, но встреч с профессиональными убийцами читатель насчитывает не меньше двух. Устранение политических противников, символическая власть над ними – доминирующее действие в «сВОБОДЕ».

Криминальное находится в обязательном контексте сюжета, который в современной поэтике принято называть триллером. «Человеческое – сверхчеловеческое» – одна из самых востребованных Ю. Козловым антиномий. Это именно антиномическое единство, потому что автор не дает однозначного ответа на вопрос о природе своих героев. Генерал Толстой – сотрудник спецслужб, но и некая вневременная субстанция, решающая свои проблемы в так называемом «большом времени», не сводимом к исторической эпохе, воплощенной в «Колодце пророков». Такова и Августа – женщина с непростой судьбой и отсутствующим женским счастьем; она же – метафизическое существо, которому суждено родить Антихриста. Рыбин, герой «Почтовой рыбы», окружен «нелюдями», антропоцентричными лишь по своей внешней форме. Интрига романов Ю. Козлова – в активном внедрении не(сверх)человеческого плана в земные события. Характерно и то, что практически всегда мы не можем сказать, божественное или дьявольское начало доминирует в конкретном эпизоде.

Производственный текст о работе властных структур. Назвать произведения Ю. Козлова «производственными романами» в том смысле, какой вкладывала в этот термин советская эпоха, нельзя. Ю. Козлов свободен от идеологизма и социального оптимизма, присущего указанному типу повествования. При этом писатель интересуется только одним профессиональным уровнем – уровнем власти. В «Колодце пророков» это спецслужбы, госбезопасность, кабинеты, в которых принимаются судьбоносные решения. В «Почтовой рыбе» практически все события происходят в парламентских коридорах. В «сВОБОДЕ» – самый высокий уровень управления государством. Не менее важно, что автора интересует психология власти – состояние сознания, которое должно совмещать эгоцентризм, мысль о собственной персоне со сверхличностным альтруизмом. Существенно и то, что на уровне власти, о которой Ю. Козлов рассуждает профессионально, со знанием механизма, происходит наиболее радикальная встреча добра и зла – не только конфликт, но и парадоксальное объединение.

«Трагедия профессионализма как способа существования отдельной личности, по мнению майора Пухова, состояла в том, что профессионализм (как система понятий и связей) в конечном итоге пытался подменить собой мир, навязать живой жизни свои железные законы», – сказано в романе «Колодец пророков» [2]. Эти слова можно отнести и к жанровой форме произведений Ю. Козлова. С одной стороны, профессиональное – интересная сфера, предоставляющая большие возможности для становления социально-идеологических сюжетов. С другой стороны, профессиональное занимает столь значительное место, что например, семейно-бытовые темы практически отсутствуют, не помещаются в тексте, решающем высокоуровневые (с точки зрения статуса событий) задачи.

Карнавально-эротический текст. В каждом из трех избранных нами романов есть сексуальные сцены, сообщающие не о страстной любви, а об особой энергии – скорее разрушительной, чем созидательной. Гротеск, доходящий до цинизма, – востребованный стиль в построении эпизодов. Но для Ю. Козлова эрос не только форма отношений мужчины и женщины, но и стихия, которая задействована в историософском движении, в нарастающем кризисе государственности. Для того чтобы появилась почва для пришествия Антихриста, необходимо не только сожительство Августы с двумя сотрудниками высших эшелонов спецслужб («Колодец пророков»), но и своеобразное распутство общественной жизни, явное снижение, профанация самого архетипа государственной жизни. Так, в романе «сВОБОДА» чудовищная сексуальная энергия рассматривается как движущая сила русской истории: воплощая «низовую женскую мудрость, она может «переспать с Керенским или Горбачевым», но «замуж выходит только за сильных» – за Ленина или Сталина» [9].

Эротическая и карнавальная энергии связаны. Закон карнавала – амбивалентность, пространство, в котором возможны совмещения правды и обмана, верха и низа, внешнего добра и столь же внешнего зла. «Мир виртуальный (плетущие в блогах интеллектуальные муляжи фантомы... изошренные “вбросы” в сеть, влияющие на карьеры и политические решения... подмена живой жизни безразмерными мусорными дискуссиями, управляемыми такими же фантомами...) и реальный (толпы на площади, разного ранга чиновники с их обслугой, бизнес-публика, реликты советского времени вроде девяностолетнего бывшего зека-правозащитника или “красного попа” отца Дракония) естественным образом совмещаются, и перед читателем разыгрывается шоу, которое можно назвать сатирой с налетом фантастики, если бы оно не было так достоверно в мельчайших деталях. До последней фразы роман держит в напряжении, и ты принимаешь любое абсурдное сюжетное допущение автора, потому что абсурд в действительности современной России – норма», – считает Л. Лаврова, показывая специфику художественно изучаемого Ю. Козловым карнавала [5].

Религиозно-историософский, рационально-метафизический текст. Главная реальность в романах Ю. Козлова – крушение СССР и потенциальный распад России. Можно сказать, что все происходящее – формы рефлексии на указанные драмы. Многозначительные рассуждения и предельно рациональные суждения, намеки

на мистическое присутствие и структурная организация метафизических начал, религиозные концепты и антропоцентризм характерны для этой рефлексии. Аббревиатура «ГБ» соединяет Господа Бога, Государственную безопасность и Государственную Библиотеку – оплот книжности, хранящей ответы на вопросы о будущем. Главные герои – разведчики и высокопоставленные служащие, думающие об Антихристе. Присутствие религиозного уровня в большинстве событий не приносит радости ни героям, ни автору. «Каждый раз, когда речь заходила о Боге, о вере, глаза отца становились яркими, лицо же бледнело, что являлось у него признаком глубочайшей тоски», – сказано об Илларионове-старшем в романе «Колодец пророков» [2].

Апокалипсис в ожидании и обсуждении – доминирующая тема в произведениях Ю. Козлова. «Написан один из лучших триллеров на тему пришествия Антихриста», – так оценивает «Колодец пророков» С. Митрофанов [6]. Как литературные, авторские апокалипсисы рассматривает романы Ю. Козлова («Почтовая рыба» и «sBOбoДА») А. В. Татаринов [9; 10]. «Рыбин и Библию читал как хрестоматию по государственному строительству. Ветхий Завет живописал титаническую борьбу Бога-отца за совершенное, а главное – справедливое общество. Новый Завет – титаническую борьбу Бога-сына за совершенного справедливого человека», – такова логика совмещения религиозного и государственного начал в художественном мире Ю. Козлова [3, с. 124].

Текст-прогноз / предостережение. «Общество давно утратило чувствительность к прогнозам. Оно не реагирует на них. Перманентное ожидание катастрофы, так можно охарактеризовать нынешнее состояние общества. Мы дышим этой катастрофой. Она в каждом мало-мальски талантливом произведении любого современного русского писателя. Но писать сегодня надо не о неизбежности катастрофы, а о том, что нужно сделать, чтобы ее избежать», – говорит Ю. Козлов в одной из немногих газетных бесед [8]. Футурологические аспекты его романов определяются не тем дискурсом, который присущ массовой литературе. Ю. Козлов пишет о состоянии государства, которое представлено и в кризисе структурной организации, и в непосредственно относящихся к нему героях. Они – как, например, Рыбин из «Почтовой рыбы» – могут грамотно рассуждать о близком духовно-социальном взрыве, своим поведением и состоянием сознания содействуя катастрофе, а не предотвращая ее. Автор не оптимист. Скорее, он пессимистически настроен по отношению к будущему, в котором апокалипсические сценарии не способ внушить страх, а форма художественного отображения собственной уверенности. Так было у Ю. Козлова в конце 90-х («Колодец пророков»), подобная ситуация обнаружена нами и в 2013 («sBOбoДА»).

Указанной рациональной метафизичности соответствует и стиль повествования. Много комментариев повествователя, несомненно, близкого автору, ремарок, уточнений, скобок (особенно много скобок в «Колодце пророков»). Фабула подчас уступает место динамичному эссе, которое может быть приписано «закадровому» герою, стать «текстом в тексте». Встречается нарочитая грубость образов, опредметчивание внетелесных сущностей. «Москва была перегружена машинами, как голова бомжа вшами» [3, с. 181] перед читателем появляются «канализационная система необязательных связей» [Там же, с. 219] и «выгнувшийся, напоминающий ноготь великана, кусок сыра» [2].

Интеллектуализированная публицистичность – обязательное условие в становлении идейно-художественного мира романов Ю. Козлова. Автор может быть назван «апокалиптиком» – человеком, считающим, что в разнообразных сюжетах настоящего формируются драмы и трагедии будущего, имеющие непосредственное отношение к противостоению добра и зла. Этот масштабный кризис касается и современного литературного процесса: «Измельчало отношение к литературе. Коммерциализация привела к утрате профессионализма в издательской деятельности. Нет вдумчивых редакторов, по сути дела, ликвидирована профессия корректора. Книги публикуются в “авторской редакции”, то есть без вычитки и необходимой работы над текстом. В таких условиях писатель не может не измельчать. Но это происходит не по его вине», – считает Ю. Козлов [11]. Деляя речь о парадоксальных соединениях государства, метафизики и профессиональной жизни главным риторическим потоком, Ю. Козлов своими романами пытается поднять статус литературного произведения как текста о самых значительных уровнях реальности.

Список литературы

1. **Бондаренко В.** Куда плывет рыба? [Электронный ресурс]. URL: <http://old.lgz.ru/article/16210/> (дата обращения: 02.09.2015).
2. **Козлов Ю.** Колодец пророков: роман [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/kozlov_yuriy/kolodec_prorokov/read/ (дата обращения: 02.09.2015).
3. **Козлов Ю.** Почтовая рыба: роман. М.: Поколение, 2011. 386 с.
4. **Козлов Ю.** sBOбoДА: роман. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 304 с.
5. **Лаврова Л.** Апостроф [Электронный ресурс]. URL: <http://zavtra.ru/content/view/apostrof-2012-12-12-000000/> (дата обращения: 02.09.2015).
6. **Митрофанов С.** Рецензия: Юрий Козлов. Колодец пророков [Электронный ресурс]. URL: <http://bookz.ru/authors/sergei-mitrofanov/mitrof07/1-mitrof0.html> (дата обращения: 08.09.2015).
7. **Мороз О.** Человек и судьба в романе Юрия Козлова «Колодец пророков» [Электронный ресурс]. URL: <http://parus.ruspole.info/node/5894> (дата обращения: 08.09.2015).
8. **Перед выбором: Интервью с Юрием Козловым** [Электронный ресурс]. URL: <http://camostrov.ru/?nc=93> (дата обращения: 02.09.2015).
9. **Татаринов А. В.** Пути новейшей русской прозы: учеб. пособие. М., 2015. 248 с.
10. **Татаринов А. В.** Современный русский роман: год 2011: монография. Краснодар, 2011. 152 с.
11. **«Я абсолютно свободен в выборе темь»:** Юрий Козлов о культурной литературе, довластовских рукописях, фальшивых властителях дум и многом другом [Электронный ресурс]. URL: <http://oleg-pogudin.elegos.ru/forum/33-2351-1> (дата обращения: 10.09.2015).

THE GENRE SPECIFICITY OF YU. KOZLOV'S NOVELS

Bezrukavaya Marina Vasil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kuban Social and Economic Institute
Sea_pearl_@mail.ru

This article analyzes the genre specificity of Yu Kozlov's novels. Three novels by Yu. Kozlov were selected for the analysis: "Prophets' well", "Postal fish" and "Freedom". The plot organization of the novels is clearly shown. The author singles out the basic genre-forming flows, in which one can see the complexity of the genre nature of the novels, its synthetic character, in which the features of narratives different in the realized types of consciousness are combined.

Key words and phrases: genre nature; power; ambivalence; apocalypse; artistic world.

УДК 821.512.142.0

В статье рассматривается состояние современной карачаево-балкарской публицистики в зарубежной диаспоре, в Турции. Впервые исследуются такие проблемы, как периодика на карачаево-балкарском языке, круг авторов, основная тематика публикаций. Особое место в исследовании занимает проблема глобализации и соответствие новых возможностей СМИ для связи диаспоры с исторической Родиной.

Ключевые слова и фразы: диаспора; публицистика на карачаево-балкарском языке; тематика публикаций; Интернет и публицистика.

Биттирова Тамара Шамсудиновна, д. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
tbittir@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА СОВРЕМЕННОЙ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ В ДИАСПОРЕ

Как оперативный род литературы публицистика призвана освещать происходящие (или недавно произошедшие) события и давать им оценки. Общественная значимость публицистики заложена в возможности обратной связи – читатели могут полемизировать с авторами, дополнять их рассказы и очерки важными деталями, участвовать в раскрытии определенной темы и проблемы. Таким образом, публицистика формирует общественное мнение, влияя на происходящие в социуме процессы. Публицистика, как принято считать, «род литературы и журналистики, рассматривающий современные проблемы, актуальные политические, экономические, социальные вопросы. Цель публицистики – воздействовать на общество, привлечь внимание людей к какому-либо факту, добиться от них реакции. В публицистике всегда существует четко выраженная авторская позиция и отсутствует художественный вымысел» [4, с. 17]. Исследователи национальных диаспор Северного Кавказа уделили также внимание их публицистике, придавая ей большое значение в сохранении этнокультуры, связей с исторической Родиной [1; 2; 3; 8].

Новый, качественно иной период развития карачаево-балкарской публицистики в диаспоре связан с деятельностью журналов на родном языке [1, с. 39]. Первым таким изданием был «Къарт Джурт» Йилмаза Невруза. Историк, литературовед, публицист Йилмаз Невруз (Салпагаров) – известный в северокавказской диаспоре общественный деятель. О вкладе Й. Невруза в развитие культуры диаспоры, в налаживании связей с исторической родиной в газете «Юйге игилик» пишет поэт Билял Лайпанов: «Он – внук известного в Карачае Герий-эфенди, мухаджира, покинувшего Родину в 1905 году. Родился 11 марта 1938 года в Турции, в селе рядом с г. Эскишехир. По специальности врач, медицинское образование получил в Германии. До последнего времени работал по специальности. Одновременно сотрудничал со многими кавказскими изданиями, был редактором журнала «Бирлешик Кавказия» («Объединенный Кавказ»). Стал главным редактором и издателем первого журнала на родном языке «Къарт Джурт», опубликовал на его страницах эссе о национальных обычаях «Кёргенлерим, билгенлерим, эшитгенлерим» («О том, что видел, знаю, слышал»), которые вызвали большой читательский интерес своей глубиной и содержательностью. Йилмаз проделал такую громадную работу, что его имя всегда будет среди славных сыновей нашего народа» [7, с. 24].

Необходимо особо подчеркнуть, что в «Birleşik Kafkasya» («Объединенный Кавказ») публиковались представители всей северокавказской диаспоры. По своему содержанию журнал был общественно-политическим и литературно-публицистическим. На его страницах мы встречаем много карачаево-балкарских авторов, в том числе Дилбер Каншау, которая впоследствии написала и издала в Турции книгу о первом карачаево-балкарском фестивале культуры «Эрирей» в Нальчике в 1992 г. [9].